

Лян Цэ понадобилось три недели, чтобы завоевать Чи Аня. Сам Чи Ань, правда, считал, что обязан этим главным образом своей настойчивости.

У него жил бордер-колли. Пёс рос у него уже три года, был невероятно умным и умел абсолютно всё. Стоило Чи Аню скомандовать «jump up!», как эта двадцатикилограммовая туша, словно послушный младенец, запрыгивала к нему на ручки.

И вот Чи Ань каждый день выгуливал этого пса строго на том маршруте, по которому Лян Цэ возвращался с работы. Яркий шарф, стильное пальто, изящно обнажённые запястья и пальцы, свежеекрашенные волосы, пара прядей кокетливо заправлена под шарф, ещё несколько небрежно спадают на скулы... Эту свою «абсолютно случайную и непринуждённую» красоту Чи Ань помпезно репетировал аж восемнадцать раз. Пока, наконец, не пошёл снег.

Завидев вдалеке приближающегося Лян Цэ, Чи Ань тут же согнулся пополам. Ловким, отработанным движением пальцев и кисти он снял с колли ошейник, в два счёта зарыл его в снег и, придвинувшись к псу, шепнул секретный пароль: «jump up!»

Бордер-колли, как учили, привычно прыгнул хозяину на грудь. Вот только Чи Ань в этот раз расслабил руки и ловить его не стал. Вместо этого он картинно завалился назад, позволив собаке придавить себя к земле, и жалко, из последних сил простонал:

– С-сс... Как больно...

Пёс: ?

Этот бордер-колли прожил с Чи Анем три года. Он умел давать лапу, играть в «угадайку» и виртуозно общался с помощью панели из семидесяти двух кнопок со словами. Но сейчас, глядя на своего хозяина, который симулировал адские муки прямо на земле, он зашёлся яростным лаем. Пёс готов был поклясться, что так грязно он не матерился ещё никогда в жизни.

Если красота кроется лишь в чистой случайности, то Чи Ань всей душой желал, чтобы Лян Цэ никогда в жизни не узнал правду. В их встрече не было вообще никакой романтики. Всё до единой детали Чи Ань срежиссировал сам. Он любил Лян Цэ уже очень, очень давно. И задолго до того, как Лян Цэ начали сниться эротические сны с его участием, сам Чи Ань мучился от кошмаров, где главным героем был Лян Цэ. Ему снилось, как Лян Цэ крепко сжимает в объятиях невысокого мужчину с каштановыми кудрями и без конца повторяет: «Не больно, всё хорошо, уже не больно».

Да где вообще у этого парня болело?! Чи Ань закипал от негодования. Те объятия выглядели такими уютными, разве может быть в них больно?

Чи Ань обычно просыпался в холодном поту, тяжело дыша. Ему до безумия хотелось по привычке потереть зубами дырочку, оставшуюся после снятого пирсинга на губе, но он сдерживался. Он хотел, чтобы прокол затянулся как можно скорее и тогда он сможет быстрее

вернуться. В конце концов, вечно сохнуть по первой любви дело гиблое.

В представлении Чи Аня, когда психически здоровый человек тайно любит другого - это называется влюблённостью. Но когда то же самое делает человек с нездоровой психикой - это уже извращение. Спустя пять месяцев после тех кошмаров врач наконец сказал Чи Аню, что он может прекратить приём лекарств. Тогда Чи Ань распечатал школьную фотографию Лян Цэ из документов и впервые признался другу: «Я в него влюблён».

Он взял собаку и вернулся в страну. Нашёл работу и снял квартиру прямо возле офиса Лян Цэ. И вот, в тот снежный день, долгожданная «случайная» встреча наконец состоялась. Ну а то, что было дальше, вы и сами знаете: заметив боковым зрением, что Лян Цэ бежит к нему, Чи Ань намертво вцепился в его руку, затем добавил Лян Цэ в WeChat, предложил вместе поискать «пропавшую» собаку и с самым непринуждённым видом согласился поужинать вместе. Во время ужина Лян Цэ расстегнул куртку, а Чи Ань картинно, с намёком сделал глоток воды. Когда Лян Цэ взял его за руку, Чи Ань слегка пощекотал его ладонь мизинцем. Он-то думал, что это утончённый соблазн, но почему тогда Лян Цэ, наоборот, ослабил хватку?

В искусстве флирта Чи Ань был зелёным новичком. Ведь извращенцы не умеют красиво соблазнять, извращенцы умеют только требовать: «Возьми меня». Поэтому, когда Лян Цэ должен был прийти к нему домой, чтобы провести пса, Чи Ань выкрутил тёплый пол до тридцать пять градусов. Он открыл дверь босиком, одетый лишь в белую майку и джинсы. Его друг Мо Фань потом сказал, что это похоже не на завязку романтической истории, а на первые пять минут порнушки, которые обычно все прокручивают. Однако Лян Цэ, оказавшись в «фильме» Чи Аня, просто присел на корточки, чтобы сфотографировать его с собакой. Его руки были такими надёжными, а взгляд, направленный на Чи Аня был таким сосредоточенным, что Чи Аню вдруг до безумия захотелось обуть тапочки.

Он выбрал одну из фотографий и выложил в соцсети. В комментариях знакомые в недоумении начали писать: [Погоди, но это же и так твой пёс, разве нет?]. Чи Ань слегка повернул экран телефона к себе и молниеносно удалил эти комментарии.

Проблемы с психикой начались у Чи Аня рано, ещё на пороге совершеннолетия. Как-то раз он пошёл к другу в бассейн и в раздевалке увидел, как один из парней из секции плавания по имени Сунь Лян прижал его друга к стене, мёртвой хваткой вцепившись тому в горло. «Ты что, шлюха?!» - громко сыпал проклятия Сунь Лян, оставляя на рёбрах друга синяки.

Друг выглядел до смерти напуганным и тихонько скулил от боли. Чи Ань тут же вызвал подмогу и бросился его спасать. Вскоре приехала полиция и родители. И в этот момент друг громко, пронзительно закричал. Только тогда Чи Ань осознал, как на самом деле звучит крик человека, который действительно до смерти напуган.

Скандал разгорелся нешуточный, ведь, как выяснилось, целью насилия Сунь Ляна был вовсе не буллинг. Сунь Ляна в итоге отчислили, а друг Чи Аня переехал. После этого девушка Сунь Ляна принялась каждый день подкарауливать Чи Аня на перекрёстке: «Я ведь ничего не знала! У нас всё было хорошо, зачем ты всё разрушил?!» - кричала она и в лицо выплеснула на него приторно-сладкий молочный напиток. Чи Аня потом ещё долго тошнило от этого

тошнотворного запаха скисшего молока.

Месяц спустя Чи Ань снова встретил того самого друга, который к тому времени уже перевёлся в другую школу. Друг целыми днями пропадал на крыше высокой многоэтажки. Увидев Чи Аня, он тоже принялся бессвязно сыпать проклятиями, тыча в него пальцем: «Я сам этого хотел! Ему так нравилось... Ты что, не понимаешь?! Почему он не бил никого другого, а бил только меня? Ты всё испортил!» Чи Ань был потрясён до глубины души. «Вы что... встречались?» - спросил он. Глаза друга покраснели, и он закричал ещё громче, пытаясь скрыть свою уязвимость: «Мы просто удовлетворяли потребности! Ты что, тупой? Это делалось просто ради удовлетворения потребностей!»

А ещё через месяц этот друг спрыгнул с крыши.

Последние слова, которые человек оставляет после себя, могут оказаться как самыми невесомыми, так и невыносимо тяжёлыми. Но фраза «Это делалось просто ради удовлетворения потребностей» была слишком странной. В ней нельзя было измерить вес, потому что в ней не было подлежащего. Чьи именно легковесные «потребности» «просто» «удовлетворялись» в «этом деле»? И когда друг летел вниз, чьим правилам он подыгрывал ценой своей тяжёлой, оборвавшейся жизни?

Чи Ань осознал, что стал свидетелем не просто насилия. Его друг разыгрывал в этом насилии спектакль, фальшиво изображая наслаждение. Кто-то затягивал на нём стальную проволоку, раздирая кожу до мяса, а друг задирает голову и - поразительно - выглядел гордым, словно скрипка, на которой прямо сейчас исполняют партию. «Но зрителем в этом шоу точно не должен был быть я», - к такому искажённому выводу пришёл тогда ещё совсем юный и мало что понимающий Чи Ань. Должно быть, всё именно так. Не зря ведь все вокруг твердили, что Чи Ань всё разрушил. Если бы он не стал свидетелем, трагедии бы не случилось.

И в сознании, и в забытии Чи Аня преследовали кошмары. Его захлестнуло колоссальное, не находящее выхода чувство вины, потому что он никак не мог докопаться до сути. Он не понимал друга, не понимал Сунь Ляна, не понимал его девушку, не понимал самого себя... Единственное, что он мог попытаться понять - это боль. Именно боль связывала всю эту чертовщину воедино.

Чи Ань выбрал вторник. Надев защитную маску, он сел в кабинете для дополнительных занятий и стал ждать, пока класс опустеет. Он собирался приставить степлер к мочке уха и нажать на рычаг. Прошёл почти час, но парень в очках, сидевший чуть впереди по диагонали, так и не уходил. Чи Аня дико раздражал этот чужак, бесцеремонно вторгшийся в его кошмар. Он вытянул руку и толкнул парня в плечо: «Ты почему домой не идёшь?» - резко спросил он.

Парень слегка повернул голову и мельком посмотрел на него: «Я ещё не дописал этот вариант теста».

- А дома дописать нельзя?

- Дома слишком шумно.

- Но мне нужно пробить здесь ухо, - в то время у Чи Аня были ещё совсем чёрные и короткие волосы, на фоне которых уши казались ещё бледнее. Он использовал детские, глупые слова, но при этом нарочито свирепо клацнул степлером, так что скоба вылетела наружу: - Будет куча крови. Тот парень, которого недавно прилюдно облили молоком - это я. Я друг Си Цзэ. Это из-за меня он недавно спрыгнул с крыши, понял? Так что проваливай быстрее и держись от меня подальше.

Парень отложил ручку и повернулся. Чи Ань заметил, какой он худой, носоупоры очков полностью перекрывали переносицу, а толстые линзы искажали перспективу, из-за чего глаза казались совсем крошечными.

- Я тебя не знаю, - ответил он. - Тестов слишком много, я не успеваю их делать. На остальное у меня просто нет времени.

Затем он почесал шею и добавил:

- Извини.

Чи Аню было тошно это слушать. Он просто хотел с помощью боли поставить свой кошмар на паузу, поэтому ничего не ответил.

В этот момент парень бросил взгляд на его пальцы, которые без конца до белизны растирали пластиковый корпус степлера, немного подумал и произнёс:

- Если тебе прям невтерпёж, давай я помогу.

Чи Ань невольно хмыкнул:

- Ты мне pomoжeшь?

- Да, закрой глаза.

Голос у парня, казалось, только-только начал ломаться. То, что он говорил, звучало как детское заклинание и, по логике вещей, не должно было сработать. Но Чи Ань слишком сильно устал. Он так давно нормально не спал, его нервная система была настолько истощена, что он, сам не понимая почему, действительно послушался.

Он закрыл глаза. Услышал резкий скрежет ножек стула по полу, шаги, какие-то манипуляции со степлером. Затем парень вложил канцелярский инструмент в его ладонь, накрыл его руку своей, и холодный металл прижался к мочке уха...

- Щёлк, - парень сам симитировал звук щелчка, мягко надавив своей рукой на его. Но никакая скоба в ухо не вонзилась. Чи Ань открыл глаза.

Парень выложил на стол заранее вынутые из степлера скобы. Он всего лишь слегка сжал его мочку пустым, потерявшим способность ранить инструментом и со всей серьёзностью посоветовал:

- Даже так уже довольно больно. Так что не надо ничего пробивать.

Обманщик. Было не больно. Совсем не больно. Но Чи Ань, так и не получивший желаемой вспышки боли, почему-то почувствовал странное удовлетворение. Рука парня всё ещё лежала поверх его собственной, и Чи Ань ощутил, как его личный персональный ад вокруг него чудесным образом затих. Терзавшие его призраки отступили. Он тихо, прерывисто задышал, словно человек, чудом выживший в катастрофе.

Чи Ань поднял глаза на единственного человека, который смог подарить ему покой. Он так и не понял, что такое боль, но зато теперь он узнал, что такое - когда не больно.

На бланке теста было написано имя парня: Лян Цэ. Его класс находился на другом этаже. Перед уходом Лян Цэ сказал, что если Чи Ань всё ещё захочет проколоть уши, то после выпуска он может сходить с ним в нормальный салон.

Вот только после этого Чи Аню больше так и не представилось случая поговорить с ним. Он уехал за границу ещё до окончания школы.

Во время учёбы в университете Корнелл Чи Ань подсел на адреналин. Встреча с Лян Цэ была похожа на дозу анестетика, вколотою прямо в открытую рану. Время прошло, и действие лекарства естественным образом закончилось. Каждые каникулы Чи Ань тратил на банджиджампинг, прыжки с парашютом, паркур по крышам многоэтажек и стрельбу в тире. Он отчаянно жаждал получить травму или хотя бы изнуряющую мышечную боль. Ведь только когда это ощущение выматывало его до капли, он мог спокойно провалиться в сон.

Чи Ань одержимо, целыми ночами напролёт крутил в голове одну и ту же мысль: во всём виноват только он. Он заслужил страдать вместо друга, он должен был вместо него отыгрывать этот фальшивый спектакль наслаждения. В итоге он решил искусственно примешать физическую боль к тем вещам, которые нормальные люди делают ради удовольствия. Чтобы достичь оргазма, он использовал исключительно секс-игрушки и бандаж. Одно время его зависимость от боли превратилась в тяжёлую зависимость от девайсов. Как-то раз он зашёл слишком далеко, запутался и рухнул с кровати на пол. Синяки на его лице заметил друг и буквально за руку притащил в университетскую клинику к психотерапевту. Врач поставил ему диагноз: обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР).

Звучало довольно безобидно, почти как какая-то бытовая причуда, но на деле это был сущий ад. Чи Аню потребовалось много лет, чтобы пойти на поправку.

Когда он начал пить таблетки, у него действительно наступил период полного эмоционального выгорания и вялости. Он пытался заново осознать, что такое истинное удовольствие и оргазм, но у него банально не получалось. Ему просто не на что было опереться, не было правильного примера. В своей жизни Чи Ань видел лишь один вид близких отношений: один проявляет насилие, а второй терпит боль, и оба при этом заявляют, что делают это «просто ради удовлетворения потребностей». Чи Аню это казалось диким и пугающим. Близость в его понимании выглядела как жестокая игра, где важен только финальный результат, а на то, выживут ли в процессе двое людей, всем плевать. Главное кончить в конце, а то, что по ходу дела тебе ломают кости уже неважно. Главное вместе состариться, а то, что весь путь превращён в помойку - это пустяки.

- Всё совсем не так, ты неправильно думаешь, это не имеет отношения к близости, - слово за словом вдалбливала ему когда-то близкая подруга. - Обниматься с любимым человеком - это невероятный кайф. Словно тебя заколдовали. Тебе обязательно нужно попробовать.

- Но ради чего обниматься? Какая цель? Если цель в том, чтобы просто удовлетворить потребность, я и сам справлюсь.

- Тут нет никакой цели. Обнимаются просто ради того, чтобы обниматься.

Чи Ань тогда медленно кивнул, но на самом деле так ничего и не понял. В его представлении любовь была не мистикой, а чистой наукой. Коснись здесь и человек стиснет зубы от боли, коснись там и ему захочется плакать. Для каждого проявления чувств обязательно должно быть своё, абсолютно неромантическое объяснение.

Однако всего через час после воссоединения с Лян Цэ этот самый «неромантический» Чи Ань стоял напротив него и под его пристальным взглядом осматривал бордер-колли. Лян Цэ отделял от него лишь рабочий стол. Лян Цэ даже пальцем его не коснулся, но когда Чи Ань надевал медицинские перчатки, его руки заметно дрожали. И в этот раз он не мог найти этому рациональную причину.

Чтобы скрыть волнение, ему пришлось почесать собаку под подбородком. Ведь когда его руки оставались неподвижными, бешеный стук сердца становился слишком очевидным.

Позже, когда они вместе раздавали листовки, Чи Ань воспользовался своим насмерть замёрзшим, покрасневшим носом, чтобы выпросить у Лян Цэ его шарф. Ночью он спал в обнимку с этим шарфом, мысленно представляя, как связывает им руки Лян Цэ у себя за спиной: пока Чи Ань не разрешит, Лян Цэ не сможет их вытащить.

Это был первый раз в его жизни, когда он фантазировал о самом процессе любви. Без финального результата. Без какого-либо «удовлетворения потребностей». Всего лишь один крошечный, эгоистичный фрагмент, но Чи Ань почувствовал себя абсолютно счастливым. И с этим чувством удовлетворения он наконец заснул.

В неделе семь дней, но Чи Ань и Лян Цэ умудрились встретиться десять раз.

В понедельник второй недели они выгуливали пса на подземной парковке. Чи Ань пожаловался, что в последнее время жутко похолодало. Ехать от клиники до дома на такси слишком близко, а идти пешком слишком далеко. «Когда уже наконец потеплеет?» - вздохнул он. Лян Цэ коротко ответил: «Завтра».

- Правда? Ты смотрел прогноз погоды? - оживился Чи Ань.

- Нет, но завтра я могу заехать за тобой, в моей машине тепло, - ответил Лян Цэ.

И вот во вторник вечером Чи Ань вышел через главный вход клиники и сразу увидел машину Лян Цэ. Тот припарковался у единственного сухого островка у обочины, где не было луж, чтобы Чи Ань мог с комфортом наступить на сухой асфальт и открыть дверцу.

Лян Цэ сегодня сменил гардероб, на нём было пальто из верблюжьей шерсти, а из-под коричневой рубашки виднелась полупрозрачная чёрная водолазка, сквозь которую едва угадывался рельеф грудных мышц. В его салоне и правда было очень тепло.

Мужчины в этом мире делятся на два типа: одни делают комплименты красивой одежде того, кто им нравится, а вторые сами одеваются безупречно ради встречи с любимым человеком. Лян Цэ явно относился ко второму типу. Он выбирал одежду, которая создавала лёгкую дистанцию, но при этом пользовался парфюмом, к которому подсознательно хотелось прильнуть. И теперь Чи Ань попал в ловушку: он не мог заставить себя закрыть глаза, не мог перестать вдыхать этот аромат, а теперь ему приходилось ещё и слушать его голос: «Пристегни ремень, доедем минут за двадцать». Чи Ань мысленно усмехнулся: он уже «доехал» до нужной кондиции.

Чи Ань вытянул ремень безопасности, повозился с ним какое-то время, а затем повернул голову с немым призывом о помощи:

- Кажется, ремень не защёлкивается.

- Дай посмотрю, - Лян Цэ наклонился к нему. Сначала он опустил взгляд на замок ремня и тот был абсолютно исправен. Затем поднял глаза на Чи Аня... И Чи Ань был чертовски хорош.

Лян Цэ снова опустил взгляд на ремень и твёрдо решил, что исправным этот замок оставаться не должен.

Он одной рукой с силой вдавил пряжку в замок, позволил ей выскочить обратно, снова нажал и снова отпустил.

После этого он лишь вскинул глаза, не поднимая головы и не увеличивая расстояние между ними:

- И правда, похоже, не защёлкивается.

В этот момент, если бы Чи Ань просто моргнул, его ресницы почти наверняка зацепились бы за непослушные пряди волос Лян Цэ. Настолько близко они были друг к другу. Чи Ань осознал, что он не единственный, кто сейчас думает об этом. Он осознал, что он не единственный, кто хочет, чтобы всё было именно так.

Чи Ань накрыл ладонь Лян Цэ своей рукой, точь-в-точь как в свои восемнадцать лет и уверенно надавил вниз.

Щёлк. В этот раз звук не был имитацией. Натянутый ремень безопасности сейчас напоминал прямую, ровную линию на кардиограмме.

- Застегнулся, - очень-очень тихо выдохнул он.

И прямо так, продолжая прижиматься ладонью к костяшкам пальцев Лян Цэ и слегка надавливая большим пальцем на ложбинку между его большим и указательным, Чи Ань улыбнулся, как будто вообще ничего не произошло.

Автору есть что сказать:

Слова Чи Аня о любовных похождениях Лян Цэ можете воспринимать как чистой воды шутку.

Комментарии переводчиков:

их темпу отношений можно только позавидовать скажу я вам

- ТКТ

у меня уже весь спектр эмоций: от смеха над бордер-колли, который явно не подписывался на эту театральную постановку, до кома в горле от флешбеков со степлером. эти двое — мастера притворства, но рядом друг с другом их броня трещит по швам. наблюдать за этим мучительно прекрасно (´◡• ~ •◡`)

- Мелодия

<http://bllate.org/book/20873/2116834>